

На ветрах истории

(Жизнь и судьба псковича-эмигранта Г.И.Копьева)

Русская эмиграция первой послереволюционной волны, часто называемая белой, - явление уникальное, беспримерное в мировой истории. Дело не только в масштабах белой эмиграции (по данным Лиги Наций, всего России после революции покинули 1160000 беженцев) но и в том вкладе, который она сделала в мировую и русскую культуру. Причем речь идет не только о сохранении, но и приумножении многих традиций отечественной культуры.¹

Своеобразием и интенсивностью отличалась культурная жизнь в Печерском крае в 1920-1930-е гг. Недаром отсюда ведет начало традиция отмечать ежегодные Дни русской культуры, ставшие поистине национальными праздниками во многих странах, где проживало русское население.² Среди подвижников русской культуры в Печерском крае немало было и псковичей, вынужденных поселиться здесь после окончания гражданской войны: музыканты М.Ф.Гривский и Н.А.Вехновский, поэт и общественный деятель Б.К.Семенов, педагог А.А.Гессе, русский национальный секретарь, последний из рода Назимовых по мужской линии - Г.В.Назимов. К ним можно отнести и Григория Ивановича Копьева, музыканта, активного деятеля и пропагандиста русской культуры.

Родился Г.И.Копьев (настоящая его фамилия Афанасьев) в 1894 г. в мещанской семье. Его отец, Иван Афанасьевич, служил в Псковском казначействе счетчиком и слыл среди местного купечества человеком очень честным и порядочным. Мать, Марина Миновна, происходила из старообрядческой семьи, приняла официальную веру только перед самым венчанием. Как вспоминает по рассказам родителей дочь Г.И.Копьева Антонина Григорьевна Семенова, в их большом двухэтажном доме, что стоял на Шведской

Калкин Олег Андреевич - журналист, член Союза писателей России (г. Псков)

горке, всегда было необычайно чисто и аккуратно, все семь самоваров, принадлежавших семье, были начищены до зеркального блеска, а белье полоскали только в реке Великой, зимой - в проруби.

Учился Г.И.Копьев в реальном городском училище, по окончании которого в 1910 г. устроился работать на казенный винный склад, а через год поступил учиться в Псковское землемерное училище. Однако закончить учебу не удалось: началась мировая война. Правда, Григорий, как единственный сын в семье (из детей были еще сестры - Екатерина и Ольга), вначале получил годичную отсрочку от военной службы. Призвали его в армию в августе 1915 г. Служить начал в 3-м запасном пехотном Петергофском полку, а через некоторое время его направили учиться в Ораниенбаумскую школу прапорщиков.

Вышел Г.И.Копьев в младшие офицеры в самый разгар Февральской революции. Тогда же принял участие в сборе войск Петроградского округа, хотя, по его признанию, все происходившее тогда в стране мало согласовывалось с его монархическими убеждениями: «Я не мог усвоить целесообразности лозунга «Свобода. Равенство. Братство» в нормальном государстве. Пользуясь этим лозунгом, многие граждане дали свободу своим инстинктам - и как следствие - падение порядка в стране»³.

Дальнейшая воинская служба Г.И.Копьева проходила в 273-м пехотном полку, что стоял тогда в Борисоглебске. Осенью 1917 г. его отправляют в отпуск на лечение от малокровия в псковский госпиталь. Его родные, увидев перед собой исхудалого, в потертой солдатской шинели человека, не сразу узнали в нем бравого прапорщика, каким он смотрелся на присланной им фотокарточке.

Октябрьскую революцию Г.И.Копьев, по его словам, воспринял спокойно. Казалось, что все происходящее - самое обычное

в революционную пору: сегодня одни, завтра другие. А между тем порядка в стране становилось все меньше. Только что созданная Красная Армия разочаровала своей неорганизованностью, недисциплинированностью. По Псковской губернии прокатилась волна арестов офицеров старой царской армии. В октябре 1918 г., когда было объявлено о формировании Северного корпуса на оккупированной немцами территории, Г.И. Копьев оказался в числе тех, кто добровольно записался в белую армию.

Уже после гражданской войны, находясь в эмиграции, Григорий Иванович в своей брошюре «Неизбежное» так осмысливал белое движение: «Все, посягнувшим на бытие Русского государства, и всем тем «русским», которые революцию превратили в грабёж и озорство, ставя к стенке правого и виноватого, и которые, сформировавшись в красную гвардию, встали с пентаграммой на голове охраной у дверей Смольного, объявлена война по всем правилам и на законном основании, как врагам Государства Российского». Это была основа белой идеи, а цель ее заключалась в том, чтобы «восстановить красоту Русской жизни и согласовать человеческое с Божеским».⁴

Служил Г.И.Копьев в Талабском полку, одном из лучших в Северо-Западной армии. Как известно, формированию этого полка предшествовало десантирование в ночь с 22 на 23 октября 1918 г. небольшой группы белых офицеров под командованием поручика Б.С.Пермикина на Талабские острова, что на Псковском озере, и пленение размещенного там красноармейского гарнизона.⁵ По тому, как во вновь создаваемом полку прапорщик Копьев занял должность коменданта Талабских островов, можно с полным основанием предположить, что Г.И.Копьев был участником десантной операции, которая резко изменила ситуацию под Псковом в пользу белых.

Должность коменданта Талабских островов была сугубо хозяйственной. Г.И.Копьев одновременно заведовал продовольственной базой на островах и был квартирмейстером. Забот у него было немало, если иметь в виду, что население островов остро

нуждалось в продовольствии. Как свидетельствуют чекистские источники, с приходом белых на острова рыбацкие семьи стали вдоволь получать долгожданные соль, хлеб, сахар и другие продукты, в чем, безусловно, немалая была заслуга и самого Г.И.Копьева.⁶

После отступления Северного корпуса из Псковской губернии на территорию Эстонии в ноябре 1918 г. и во время военных событий 1919 г. Г.И.Копьев продолжал служить в 6-м пехотном Талабском полку - вначале младшим офицером роты в чине прапорщика, а затем - адъютантом 2-го батальона в чине подпоручика. Участвовал в двух походах Северо-Западной армии на Петроград, был награжден орденом Св. Станислава 4-й степени. В июле 1919г. перенес тяжелое ранение в ногу, после двухмесячного лечения снова вернулся в Талабский полк, с которым дошел почти до Пулковских высот. Потом были отступление, сыпной тиф, барак русского Юрьевского госпиталя, горячий бред...

По семейному преданию, спасла Григория Ивановича сестра Екатерина. Каким-то образом слухи о его тяжелой болезни дошли до родного дома, и Екатерина Ивановна по льду Чудского озера отправилась в Юрьев (тогда границы между Эстонией и Россией еще не было), нашла там почти полумертвого брата, выходила его. Там же, в Юрьевском госпитале, встретила Екатерина и своего жениха, Николая Моделькина, тоже северо-западника из Пскова.

Первые годы эмиграции для Г.И.Копьева были очень трудными. К весне 1920 г., когда он покинул юрьевский госпиталь, армия Юденича была уже расформирована, ни лишней одежды, ни куска хлеба - гол как сокол. Хотел было, по примеру знакомых офицеров, уехать в Польшу, где собирал 3-ю Русскую армию генерал Пермикин, бывший его командир, но отговорила сестра Екатерина, которая, выйдя замуж за Н.Моделькина, тоже осталась в Эстонии. Чтобы как-то выжить, пришлось ему наниматься на самые тяжелые физические работы: разгружать баржи, заготавливать торф, сортировать бревна на лесопильном заводе. Однажды, надорвавшись на таскании тяжестей, попал

в больницу. Позднее Копьев вспоминал об этом времени: «Все время ощущал материальную нужду».⁷

Однако не хлебом единым жив человек. Живя в Юрьеве (Тарту), много читает, осмысливает пережитое, начинает писать. В 1924-1925 гг. он публикует две брошюры - «Неизбежное» и «Быть или не быть», где поднимает проблемы, остро волновавшие тогда русскую эмиграцию: в чем причины поражения белых армий в гражданской войне, какова дальнейшая судьба русского воинства, оказавшегося за рубежом. Поводом для написания этих книжечек стало знакомство Григория Ивановича со статьей, опубликованной в белградской газете «Старое время» под характерным заголовком «Армия». И хотя статья была подписана анонимом «Писатель», Г.И. Копьев без труда догадался, что автором ее был генерал П.Н.Краснов. Неслучайно в своих брошюрах Григорий Иванович постоянно ссылается на красновский роман «От двуглавого орла к Красному знамени».

Разбирая статью именитого генерала, Г.И.Копьев резко критикует ее основные положения, которые сводятся к тому, что главная вина за поражение белых армий лежит на русском народе. Он - де, сермяжный, не понял всей возвышенности белой идеи, ее святости. Нет, возражал Г.И.Копьев, русский народ никогда не шел против государственного строя, он «всецело был озлоблен только на тех «верноподданных» плутократов, которые темной тучей окружали нашего добродушного и чистого сердцем Государя». Начинать надо не с гимнов, а с «покаянного признания всех грехов, совершенных офицерами в продолжение этих десяти последних лет», когда одни воевали, а другие «пьянствовали, развратничали, воровали, спекулировали, били в морду и требовали честь, потеряв на нее всякое моральное право». Не соглашался Г.И.Копьев и с противопоставлением у автора в очерке «Армия» кадровых офицеров старой армии и офицеров военного времени не в пользу последних: «Разве вы не знаете, что вся черновая работа на фронте в Великую войну и в войну с интернационалом сделана

нами - офицерами производства военного времени? Разве вы не знаете..., что нами водились солдаты в атаки и разведки?»⁸

Рассчитывая на отклик, Г.И.Копьев обе свои брошюры послал в редакцию газеты «Старое время», а несколько позже - и великому князю Николаю Николаевичу. Однако отзыва так и не дождался. Видимо, «верхи» военной эмиграции не хотели принять главную мысль, заложенную в этих книжках: «старым путем идти строить новую родину нельзя».⁹ Подобные взгляды в среде белой эмиграции были не редкостью. За отсутствие новой национальной программы у руководства РОВСа его резко критиковал мыслитель и публицист И.Л.Солоневич, газету которого, правда значительно позже, читал Г.И.Копьев.¹⁰

Разочарование в политической жизни эмиграции было полным. Именно тогда, в середине 1920-х гг., Г.И.Копьев, по его собственному признанию, «устав жить среди эстонского населения, так как все равно мы, эмигранты, были в Эстонии гражданами второго сорта, решил идти обратно на родину, чтобы остальную свою жизнь посвятить именно ей».¹¹ Поскольку путь в большую Россию, в родной ему Псков, был для него заказан, он направился в Печерский край.

Конечно, не сразу и не вдруг нашел Г.И.Копьев свое место в «малой России». Вначале, подрядившись в помощь эстонскому землемеру Кыйвомяги, съездил на разметку хутора в Изборскую волость, в деревню Малые Мильцы, благо что учился этому делу в землемерном училище. Потом, в конце 1925 г., и сам переехал в Старый Изборск, где к тому времени жили и Моделькины. Устроился мотористом на электростанцию у предпринимателя Иванова, у которого также работал киномехаником Николай Моделькин. Только начал было приживаться, но тут изборский «кинематограф» вместе с электростанцией не выдержали расходов и обанкротились. Пришлось Григорию Ивановичу наниматься в батраки к одному местному крестьянину.

Здесь, в Старом Изборске, Г.И.Копьев впервые включился в культурно-просветительное движение, ходил в «просветителю-

ку», так называли тогда Русский дом изборяне, работал помощником режиссера драматического кружка, организовал оркестр народных инструментов, занимался хоровым делом. Г.И.Копьев был одним из организаторов постройки на народные деньги часовни Корсунской Божьей Матери по проекту архитектора А.Владовского (она и поныне стоит рядом с древней Изборской крепостью).

Весной 1928 г. Г.И.Копьев, получив постоянную работу в ссудосберегательном банке, переезжает на жительство в Печоры. Мало-помалу устраивается и его личная жизнь: в 1930 г. он женится на печерянке Е.И.Вересовой. Правда, вначале Елизавета Ивановна все сомневалась в своем выборе: Григорий Иванович - человек немолодой, одевался бедно, имущества никакого, сам из эмигрантов. Зато потом, когда пожилы вместе, она не могла нарадоваться мужу, всю последующую жизнь говорила: «Я такого золотого человека никогда не встречала, да и вряд ли когда встречу».

В 1932 г. Г.И.Копьев принял эстонское гражданство, тогда же поменял свою настоящую фамилию Афанасьев на ту, под которой он останется в памяти у печерян. Много лет спустя, будучи под следствием, он объяснил смену фамилии тем, что в Эстонии ходили слухи: все фамилии, происходящие от личного имени, будут меняться на эстонские, особенно у служащих учреждений. Вот он и решил взять фамилию предков отца - Копьев. Кроме того, «изредка занимаясь литературным трудом», он хотел иметь более оригинальную фамилию.

То, что эстонские власти ревностно относились ко всем русским именам, фамилиям и названиям и всякий удобный момент использовали, чтобы переключить их на свой чухонский лад, широко известно. Достаточно вспомнить, сколько исконно русских деревень в Причудье потеряли по этой причине свои старинные дивные названия. А уж с простыми русскими людьми и подавно не считались: например, Воронины одним росчерком чиновничьего пера становились Варесами (варес - 'ворона'). Однако, думается, в принятии новой фамилии был у Григория Ивановича еще один серьезный ре-

зон, связанный с историей, которая немало омрачила первые годы его проживания на Печерской земле.

Мечта вернуться домой, на родину, не оставляла Г.И.Копьева с первых дней эмиграции. Поселившись в Изборске, он написал несколько писем к отцу в Псков с просьбой узнать, есть ли какие возможности для возвращения в Советскую Россию таким, как он. Некоторое время спустя в дом, где Г.И.Копьев тогда квартировал, пришел незнакомый человек с запиской, в которой говорилось, что его отец, Иван Афанасьевич, ожидает его около границы и что человек, принесший эту записку, проведет его через «проволаку». В тот же вечер, с наступлением темноты, Г.И.Копьев в сопровождении незнакомца отправился на встречу с отцом. Через границу, до которой было рукой подать, они перешли благополучно, но на советской стороне их задержал пограничный патруль и препроводил на ближайшую пограничную заставу в деревню Шахницы. Допрашивал Г.И.Копьева начальник заставы. Выслушав объяснения Григория Ивановича о причинах перехода им границы, начальник заставы заявил, что тот может вернуться на родину и свидеться с отцом, но при условии, если согласится выполнить некоторые задания. Если же Г.И.Копьев откажется от этого предложения, то он будет судим за нелегальный переход границы, как шпион, и тогда ему уже никогда не увидеть ни дома, ни родителей.

На вопрос Г.И.Копьева, где его отец, начальник заставы сказал, что отец его находится в соседней деревне, но Г.И.Копьев сможет встретиться с ним только в следующий раз, когда он принесет нужные им данные. После этого разговора ему показали участок границы, где он может перейти незаметно для эстонских пограничников, и Г.И.Копьев ни с чем вернулся в Изборск.

Человек, с которым Г.И.Копьев переходил границу, еще несколько раз приходил к нему, просил ответить на некоторые вопросы, например о жизни эмигрантов в Изборской волости. Как-то передал записку от начальника пограничной заставы в Шахницах с просьбой явиться снова на заставу для

переговоров, но Г.И.Копьев идти отказался. Последний раз незнакомец принес записку от начальника заставы, когда Г.И.Копьев жил уже в Печерах и имел семью. Не это ли подвинуло Григория Ивановича сменить фамилию: может быть, наконец-то, забудут о нем чекисты. Только, оказалось потом, ничего они не забыли и обо всем напомнили, особенно то, как он отказывался являться к ним на границу.

Если и было в судьбе Г.И.Копьева пусть не самое счастливое, но самое спокойное и наполненное трудами время, так это последние восемь лет его жизни. Теперь были у него дом, семья, дети и главное - любимое дело служения русской культуре, искусству. Откуда столько талантов было у выходца из простой семьи псковских мещан? Дочь Г.И.Копьева, Антонина Григорьевна, на этот вопрос только руками разводит: и ей неведомо. Но, по ее рассказам и всех, кто знал Г.И.Копьева, играл он абсолютно на всех музыкальных инструментах. Сам записывал ноты, готовил аранжировки произведений. Кроме того, писал маслом картины, много и увлеченно читал, публиковал небольшие книжки.

Обосновавшись в Печерах, Г.И.Копьев активно включается в культурную жизнь уездного города. Он входит в состав Правления Русского просветительного общества, организует оркестр великорусских инструментов и многие годы руководит им, создает кружок любителей изобразительных искусств, в который, помимо художников-любителей, входили и профессионалы, например А.М.Денисов, скульптор, рисовальщик, до революции - смотритель ансамбля Царскосельского дворца. По инициативе Г.И.Копьева была создана первая в Печерах картинная галерея. В своей брошюре «Храните красоту Печерского края» он убеждает в необходимости сохранять не только историко-архитектурные памятники старины, но и народные традиции, обычаи, национальную одежду, без чего, по мнению автора, «народ рассматривается, как кочевое племя».¹² По рассказам дочери Г.И.Копьева Антонины Григорьевны, отец любил все делать своими руками. Однажды он купил на базаре поло-

маный макет баржи, ходившей по реке Великой, отремонтировал его, сделал к нему парус и подарил просветительному обществу.

В эти годы Г.И.Копьев много общается с художниками, другими культурными и общественными деятелями. В его доме бывал наезжавший в Печеры из Риги один из основателей «Мира искусства», академик С.А.Виноградов, у него часто гостил живописец из Таллина А.Д.Кайгородов. Поэт Игорь Северянин, по свидетельству А.Г.Семенович, оставил у них дома автограф своего стихотворения «Занесло тебя снегом, Россия...» Хорошие, дружеские отношения сложились у Г.И.Копьева с архимандритом Иоанном Булиным, известным церковным деятелем Печерского края, особенно после возвращения того из-за границы.

Григорий Иванович оставался русским человеком и в быту: любил расписывать печки, сам подбирал цвета для вышитой русской рубахи, по его рисункам в Риге был изготовлен на заказ чайный сервиз. К сожалению, многое из того, что он своими руками сделал, в одночасье сгорело вместе с их домом во время страшного пожара в Печерах 24 мая 1939 г. Всего тогда сгорело около 260 домов - почти треть города, состоявшего в основном из деревянных построек.

К тому времени уже было объявлено о проведении второго всегосударственного русского певческого праздника в Печерах в июле, однако, учитывая случившееся, Совет просветительных обществ в Эстонии предложил печерянам отменить праздник. Но жители Печер остались непреклонны: празднику русской культуры быть! В конце концов, не зря же они готовились к нему весь год. Словно чувствовали просветители, что другого такого праздника на их земле, да и во всем Русском зарубежье уже не будет.

Дни русского певческого праздника на Печерской земле в июле 1939 г. стали для всех его участников своего рода звездным часом. Наряду с известными музыкальными дирижерами И.Архангельским (Нарва), Н.Вехновским (Печеры), А.Хуппертом (Финляндия) на открытой эстраде дирижировал сводным оркестром народных инструментов и Г.И.Копьев. Он не мог нарадоваться сыг-

ранности, душевному подъему своих воспитанников - молодых парней и девушек. Недаром он постоянно требовал от участников своего оркестра: не пить вина, не курить, не браниться нецензурно. Только так молодежь сможет держать русское искусство на высоте!

Между тем приближался 1940 г. - год решающих перемен в Прибалтике. Как вспоминали родные Г.И.Копьева, еще до прихода Красной Армии в Эстонию он говорил, что в таком виде эта республика долго существовать не сможет, что в ней неизбежно установится Советская власть. Подобные мысли разделяли тогда многие эмигранты, а также большая часть коренных русских жителей Прибалтики. Конечно, тут сказывалось влияние советской пропаганды, да и успехи СССР в 1930-х гг. в развитии экономики и культуры не могли не впечатлять. Однако дело не только в этом.

Двадцать лет жизни в чужом моноэтническом государстве, материальная нищета, постоянное унижение и ущемление национальных чувств, игнорирование русского самосознания, и не только в прибалтийских республиках, но почти во всех странах русского рассеяния, за исключением, пожалуй, только Чехословакии и Югославии, да и то в известных пределах - все это заставляло по-новому взглянуть на коренную Россию, как единственное условие сохранения русской нации. Никакие самые распрекрасные национальные теории не могут быть осуществимы без почвы, в отрыве от родной земли. Даже непримиримые противники большевизма стали понимать, что реальная русская жизнь способна переварить любые чуждые ей элементы и сохранить национальную основу. Поруганная, духовно ограбленная, лишенная традиционной веры, Россия все равно остается Россией - единственной родиной русских людей, и другой у них не может быть никогда. Иначе говоря, русская эмиграция, пройдя через все мытарства чужбины, стала осознавать самоценность их родины, независимо от политических, общественных и других внешних условий.

Сегодня, задним числом, легко рассуждать о том, что можно было бы избежать смертельной опасности, пустившись в бега на

Запад или еще куда дальше. Отдельные эмигранты так и делали - убегали и спасались. Но большинство понимало, что от судьбы своего поколения не убежишь, и, даже предчувствуя эту смертельную опасность, все равно, как мотылек на огонь, шли навстречу новым событиям, вместе с другими бросали цветы под ноги входившим в Эстонию войскам Красной Армии и искренне радовались открытым, загорелым русским лицам красноармейцев. Перед радостью этой встречи все остальное становилось неважным, второстепенным, даже предчувствие конца. Оказавшись в застенках НКВД, они как бы продолжали свой диалог с новой Россией и с поразительным простодушием пытались убедить чекистов в своей русскости. Нет, это не было наивностью или незнанием советских порядков, как можно было подумать. Это было высшее понимание того, что значила для них РОССИЯ.

Через все это прошел и Г.И.Копьев. 21 июля 1940 г. в Эстонии установилась советская власть, а 6 августа республика вошла в состав Союза ССР. В честь этих событий в Печерах прошел большой праздничный концерт лучших местных музыкальных коллективов. Принял в нем участие и оркестр Г.И. Копьева. Во время подготовки к концерту, вспоминает его дочь Антонина Григорьевна, отец побывал в воинской части, достал там нужные ноты, вернулся домой возбужденный, радостный от встреч с простыми красноармейцами. И всем домашним показывал пачку с концентратом солдатской каши, подаренную ему бойцами.

Г.И.Копьев был арестован сразу же после концерта, на котором его оркестр, кроме народных произведений, исполнил «Интернационал» и «Эх, хорошо в стране Советской жить» И. Дунаевского. Возвращаясь после концерта домой, они еще издали вместе с женой увидели, что во всех окнах их недавно построенного дома горел свет. Елизавета Ивановна тут же забеспокоилась о детях: не случилось ли что с ними. «Нет, - возразил Григорий Иванович. - Это за мной». В самом деле, у калитки дома его уже поджидали люди с легковой машиной...

Больше никто из родных Г.И.Копьева не видел. Правда, в конце 80-х гг.

в своем письме в комиссию Политбюро ЦК КПСС по поводу реабилитации мужа Елизавета Ивановна ссылалась на сестру Григория Ивановича, которая якобы имела с ним свидание в одной из ленинградских тюрем в мае 1941 г. Однако этого попросту не могло быть: к тому времени Г.И.Копьева не было в живых.

Следствие по делу Г.И.Копьева велось следователями Управления НКВД Ленинградского округа более четырех месяцев - с 19 августа по 25 декабря 1940 г. Обвинялся он в контрреволюционной деятельности против СССР, в содействии международной буржуазии в борьбе с Советским Союзом. В подтверждение этого обвинения следствие располагало данными: участие Г.И.Копьева в вооруженной борьбе против Советской власти в годы гражданской войны, его членство в Русском просветительном обществе и других «контрреволюционных» организациях, действовавших на территории Эстонии в 1930-х гг. - в Русском национальном союзе, в Союзе трудового народа. Напрасно Г.И.Копьев объяснял следователям, что эти общественные организации никак не были связаны с политикой и лишь преследовали цель защиты прав русского населения от произвола эстонских властей, а также распространение просвещения и культуры среди населения Печерского края. Следствие оставалось глухим к любым фактам, противоречившим основным пунктам обвинения.

Припомнили Г.И.Копьеву, конечно, и его отказ от сотрудничества с ОГПУ в конце 1920-начале 1930-х гг., неоднократно задавали в связи с этим вопросы, пытались поймать его на противоречиях в ответах. По всему, и сам характер следствия, и чрезмерно суровое решение суда, вынесшего Г.И. Копьеву смертный приговор, были своего рода корпоративной мстостью за ослушивание. Иначе не объяснить, почему за более серьезные проступки по законам тех лет давали гораздо меньшие наказания (примеров тому можно привести множество). К этому следует добавить и монархические убеждения Григория Ивановича, которым он оставался верен всю жизнь. Хотя эти убеждения к протоколам, как говорится, не пришьешь, они постоянно раздражали следо-

вателей, делали их особенно необъективными, пристрастными к обвиняемому.

8 января 1941 г. заседание Военного трибунала войск НКВД Ленинградского округа признало Г.И.Копьева виновным по ст.58-4 УК РСФСР и приговорило его к расстрелу с конфискацией всего имущества. Приговор был исполнен 18 февраля того же года.¹³ Многие годы семья Григория Ивановича ничего не знала о его кончине. На ее долю тоже пришлось немало испытаний. 14 июня 1941 г. без всякой ссылки на закон жену и двух малолетних дочерей Г.И.Копьева в числе многих других печерских семей погрузили в поезд и повезли на восток. Ехали очень медленно, останавливались в стороне от больших железнодорожных станций. Уже проезжая через Урал, узнали о том, что началась война. Долго они колесили по степям Западной Сибири, пока наконец не привезли их в Томскую область в поселок Красный Яр, на лесозащитный участок. Там, в ссылке, и прожили многие годы: старшая дочь Копьевых, Антонина Григорьевна, - до 1947 г., потом ей дали разрешение на учебу в Псковской области; мать, Елизавета Ивановна, с младшей дочерью, Татьяной, - до весны 1954 г.

Только после возвращения в родные Печеры Елизавета Ивановна получила сведения из Псковского управления НКВД о том, что ее мужа нет в живых. В 1960 г. по ее заявлению в Псковскую областную прокуратуру с просьбой реабилитировать мужа и всю их семью проходила дополнительная проверка дела Г.И.Копьева. Многочисленные запросы, собранные характеристики обществ и организаций, в которых он состоял, показания свидетелей подтвердили, что Г.И. Копьев был далек от какой-либо политики, тем более от участия в антисоветских действиях. Несмотря на это в сентябре 1960 г. помощник облпрокурора по надзору за органами Госбезопасности выносит постановление с отказом в реабилитации Г.И.Копьева. Потребовалось еще полных тридцать лет, прежде чем Верховный суд страны, рассмотрев протест Генерального прокурора СССР по делу Г.И.Копьева, отменил приговор Военного трибунала НКВД 1941 г. и прекратил дело за отсутствием состава преступления. Реабилитация состоялась 30 января 1990 г. Елизавета Ивановна Копьева не дожидаясь до этого дня всего нескольких недель.

**Дом Афанасьевых, где родился и вырос
Г.И.Копьев. Запсковье, Псков.
Довоенный снимок.**

Г.И.Копьев. Юрьев (Тарту), 1923 г.

**Г.И.Копьев на строительстве часовни
Корсунской Божьей Матери (стоит на
лестнице), Изборск, 1927 г.**

Г.И.Копьев, 1939 г.

Печорский кружок любителей изобразительных искусств. Первый ряд: крайний справа - руководитель кружка Г.И.Копьев, в центре - С.М.Бюнтинг, пятый справа - скульптор А.М.Денисов, второй ряд: первый слева - меценат Л.И.Солнцев, третий слева - доктор А.Е.Розов. Май 1939 г.

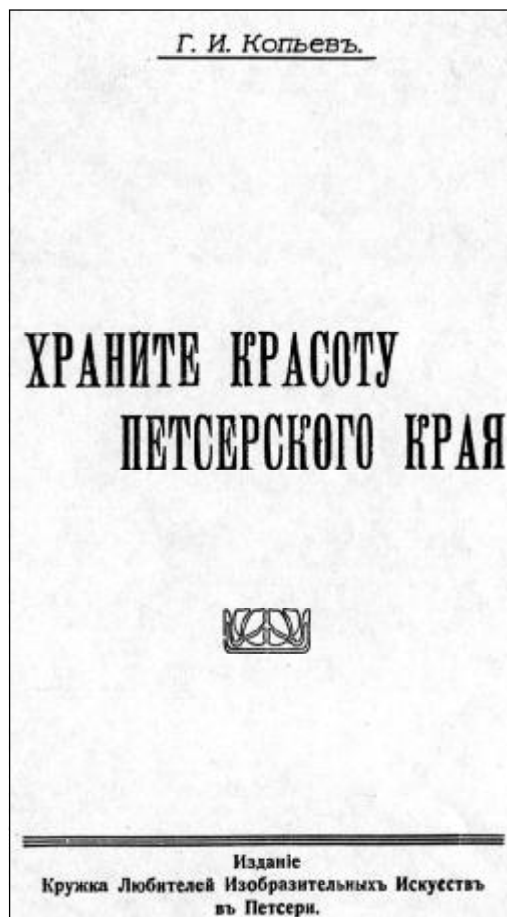
Печорский оркестр струнных народных инструментов. Первый ряд, в центре - организатор и руководитель оркестра Г.И.Копьев. 1939 г.

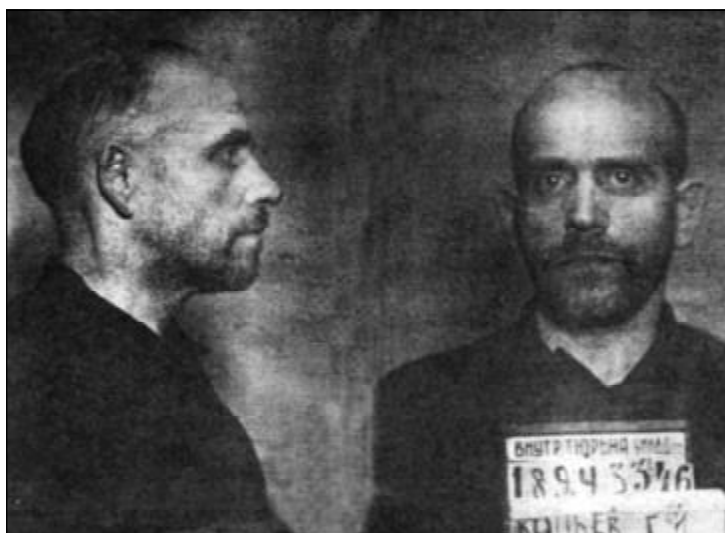
Второй всегосударственный русский певческий праздник. Печоры. Второй ряд, второй справа - Г.И.Копьев. Июль 1939 г.

Г.И.Копьев с дочерью
А.Г.Копьевой-Семеновой у своего дома.
Печоры, апрель 1940 г.

Обложка брошюры «Храните красоту
Петсерского края

Г.И.Копьев (тюремное фото), 1940 г.

Примечания

1. *Монцев В.А. и др.* Эмиграция и репатриация в России. М., 2002. С. 42.
2. Просветители: Сб. к 75-летию Союза русских просветительных и благотворительных обществ в Эстонии. Таллин, 1998. С. 76.
3. ОРАФ УФСБ РФ по ПО, д. А-19380, л. 17.
4. *Афанасьев Г.И.* Неизбежное. Юрьев, 1925. С. 24.
5. *Рутыч Н.* Белый фронт Юденича. М., 2002. С. 299.
6. ГАПО, ф. Р-590, оп. 2, д. 9, л. 36.
7. ОРАФ УФСБ РФ по ПО, д. А-19380, л. 20.
8. *Афанасьев Г.И.* Указ. соч. С. 10.
9. Там же. С. 57.
10. *Солоневич И.Л.* Наша страна. XX век. М., 2001. С. 49.
11. ОРАФ УФСБ РФ по ПО, д. А-19380, л. 18.
12. *Копьев Г.И.* Храните красоту Петсерского края. Изд. Клуба любителей изобразительных искусств в Петсери. С. 14.
13. ОРАФ УФСБ РФ по ПО, д. А-19380, л. 57.